

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОРАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ВИДОВ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Иванова Анастасия Романовна

студент 1-го курса Института права, группа Юзм-204

Научный руководитель: **Кононенко Данил Валерьевич**

к.ю.н, доцент

ВолГУ, г. Волгоград

Аннотация. Данная научная статья посвящена проблеме использования социальных норм в процессе правоприменения в условиях правового государства, затрагивается вопрос об эффективности использования судьями социальных норм в правовом государстве.

Ключевые слова: социальные нормы, правоприменение, правовое государство, моральные нормы.

Как показывает практика реального функционирования государства на пути его трансформации в правовое государство одними средствами правового регулирования обойтись нельзя. Наличие юридических гарантий соблюдения прав граждан в процессуальных отношениях, хорошо организованная система судоустройства, уровень юридических знаний и пр. факторы правового характера не гарантируют автоматически следование принципам правового государства на практике. Для достижения этих задач большую помощь в дополнение к правовым регуляторам оказывают нравственные, религиозные, эстетические и другие виды социальных норм.

Значение социальных норм для правоприменения вообще и в правовом государстве в частности состоит в обеспечении формирования нового качественного состояния правосознания, которое обусловлено двумя моментами.

Первый момент – это изменение идейно-мировоззренческой основы правосознания общества и личности. Оно предполагает повышение уровня юридических знаний, становление актуальных умений и навыков решения юридических проблем как в рамках закона, так и не нарушая закона, со значительным привлечением потенциала положительных социальных регуляторов. Судье и иному правоприменителю в процессе осуществления служебных функций часто приходится обращаться к нормам морали, традициям и обычаям, нормам моды, делового этикета и просто правилам приличия и общежития.

Второй момент – это упорядочение чувств и эмоций, психологоправовой стороны правоприменения. Поскольку в ходе правоприменительной деятельности в правовом

государстве состояние правосознания правоприменителя достигает «автоматизма» в понимании и выполнении требований права, новые требования и принципы проникают в структуру профессионального мышления, принимаются его правосознанием как необходимые и руководящие, надо полагать, что места чувствам и переживаниям в деятельности должностного лица не остается. Конечно же, это идеализация действительности; у человека всегда остаются чувства. Но в данном случае имеется в виду, что чувства могут влиять на решение правоприменителя в правовом государстве лишь в исключительных случаях, связанных с реализацией пределов усмотрения. Но последнее (усмотрение) как раз и предполагает привлечение для оценки спора социальных регуляторов наряду с правовыми.

Как отмечает Н.Н. Вопленко, в обществе наряду с правом вообще всегда существуют разнообразные виды социальных норм, которые выступают мерой или инструментом организации и регулирования человеческой жизнедеятельности, предъявляют должные требования к людям как исполнителям этих норм и рассчитаны на добровольное их осуществление, в крайних случаях – обеспечиваются применением специфических санкций: общественным одобрением и осуждением, лишением определенных возможностей общения, ограничением досуга, запретом посещать определенные места и т.п. Особенно это актуально в период воспитания и взросления несовершеннолетних детей. По своей структуре социальные нормы имеют три основных элемента: информацию, оценку и императив (требование), обращенное к адресатам нормы в обществе.[1]

С. Э. Крапивенский считает, что мораль наряду с правом, выполняет регулятивные функции по отношению к поведению людей, но мораль появилась намного раньше, даже до возникновения государства, из потребностей сохранения общения людей, обмена знаниями и потребностями, совместного решения общих дел, особенно в вопросах борьбы со стихийными проявлениями природных сил.[2] Для правового государства мнение видного отечественного философа примечательно тем, что мораль становится внутренне «главным» регулятором поведения людей в гражданском обществе, а поведения правоприменителя - в первую очередь. При достаточном уровне развития правосознания в становлении гражданского общества сила общественного мнения, общественная реакция, затрагивающая репутационные стороны правоприменительной деятельности (одобрение или осуждение) становится основным критерием оценки собственных поступков. Боязнь плохого общественного мнения и скандальной репутации - хуже всего для добросовестного правоприменителя, и с сожалением можно отметить, что ситуация с этим в современной России далеко не идеальная, это все не способствует формированию правового государства.[3]

Важную роль в реализации полномочий правоприменителя на пути достижения высоких идеалов правового государства выполняют требования добросовестности, разумности,

справедливости и гуманизма. Часть этих требований уже закреплена действующим законодательством (ст. 6 ГК, ст. 6.1 ГПК РФ и т.д.). Однако факт закрепления этих положений, нравственных по своей природе, в законе не дает никаких гарантий гуманизации и правильного применения законодательства в правовом государстве. Нужно научиться добросовестно, разумно и справедливо толковать и применять с их помощью любой закон. Иными словами, данные принципы выступают в качестве ведущей части механизма правоприменения в правовом государстве. Их действенное использование поможет в деле укрепления законности и правопорядка в гражданском обществе. [4]

Также следует назвать наличие многочисленных проблем в судебной практике с таким нравственно обусловленным принципом, как разумность. Например, все процессуальные кодексы содержат сегодня понятия о разумном сроке осуществления судопроизводства и разумном сроке исполнения судебного акта. Но что мы видим, скажем, в ст. 6.1. АПК РФ? В части 3 этой статьи отмечено. При определении разумного срока судопроизводства в арбитражных судах, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в арбитражный суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников арбитражного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, а также общая продолжительность судебного разбирательства.

Очевидно, что применение этой нормы уже сейчас в опережающем порядке на пути формирования правового государства требует значительных интеллектуально-волевых усилий, нравственных и психологических качеств от правоприменяющего судьи. В данном случае обобщенное оценочное понятие разумности срока судопроизводства определяется через такие же оценочные. И правильное и справедливое понимание обстоятельств конкретного дела по вопросу о разумности процессуального срока предполагает, что судья не только образован, но и не подвержен влиянию негативных профессиональных деформаций, чтобы не навредить «своим» же коллегам при правовой оценке их действий как «разумных», быть объективным и взвешенным при установлении сроков судопроизводства или совершении конкретных процессуальных действий по заявлению об ускорении рассмотрения дела. При этом решение этого вопроса может основываться именно на естественно-правовых представлениях судьи и благопристойной оценке социальных последствий.[5]

Справедливость - еще один нравственный критерий оценки общественных отношений, регулируемых правом. Как уже отмечалось, справедливость в правовом государстве относится к числу важнейших ценностей правосудия и управления правовым государством. Но представления об исторической справедливости в каждом государстве разные. Более того, они

являются разными даже в одном государстве в разные исторические периоды его функционирования. В современном российском законодательстве существует множество люнорм, говорящих о «справедливой оплате труда», «справедливых условиях договоров», «справедливой и соразмерной компенсации за потерю имущества» и т.п. Но в условиях функционирования реально существующего государства понятие справедливости в законодательстве отсутствует, ибо понятие справедливости нельзя дать обобщенное для всех случаев, и что является справедливым, нужно решать в каждом конкретном судебном деле.

Оценка того или иного закона, акта поведения, юридического документа или правоприменительного акта как справедливого в правовом государстве во многом зависит не от законодателя, а от судьи, а у последнего должно быть сформировано чувство справедливости, основанное на большом жизненном опыте или профессиональном опыте коллег по работе. Конечно же, многое зависит в деле формирования чувства справедливой оценки от объективно созревших в обществе экономических, политических и духовно культурных условий. Но, думается, что и сам судья должен уделять внимание самоанализу, самооценке и самоконтролю. Уже сейчас многое определяется системой его ранней социализацией в молодости, зависит от воспитания в семье, школе и на работе, общения в открытом публичном пространстве.

Система эффективного юридического образования и общего воспитания является наиболее действенной и надежной гарантией общего плана для формирования справедливых подходов в правоприменительной деятельности конкретного судьи и в целом судейского сообщества[6] .

В процессе правоприменительной деятельности судьи в правовом государстве бывает необходимо оперировать не только нравственными, но и иными социальными нормами. Например, при рассмотрении дел о ликвидации или запрете деятельности религиозной организации или общественного объединения, содержащей признаки экстремизма, следует оценивать характер религиозного воззрения, убеждений и идей, реализуемых в рамках того или иного религиозного учения. Нужно определить, может ли оно возбуждать религиозную ненависть, вражду или нетерпимость, нарушать права граждан на равенство перед законом, порождать дискриминацию в зависимости от религиозных убеждений, создавать угрозу наступления всех этих последствий?

Безусловно, для решения вопроса о содержательной и фактической стороне деятельности религиозной или иной организации может и должна при очевидной необходимости назначаться судебная религиоведческая или культуроведческая экспертиза. Однако независимо от мнения узких специалистов, судья должен иметь и некоторые общие представления о религиозных нормах поведения. Согласно ст. 3.1. ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ Библия, Коран, Танах и Ганджур, их

содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами[7]. Однако судья должен правильно оценить контекст цитирования, что требует от него широкой гуманитарной подготовки и общего уровня жизненных знаний. Если вопрос, по мнению судьи, имеет заведомо юридический характер и не связан с использованием специальных познаний, то судья может, не прибегая к назначению экспертизы, вынести самостоятельное суждение по данному вопросу. Именно так и должно быть в правовом государстве.

Наконец, при рассмотрении специфических споров о взыскании компенсации морального вреда за ущемление чести и достоинства, определении суммы убытков от неправильно проведенной пластической хирургической операции, взыскании ущерба за незаконное использование изображений лица человека и некоторых др. судья должен обладать определенными сформированными эстетическими навыками оценки красоты, безобразия, прекрасного и комического. При этом судья может опираться на мнения и показания специалистов в области психологии, педагогики, моды и культуры, но общие обязанности быть разумным, добросовестным, гуманным и справедливым за ним сохраняются. Более того, за нарушение положений соответствующих этических кодексов судья или иной правоприменитель должен быть привлечен к ответственности, вплоть до отставки.

При осуществлении правоприменительных функций в правовом государстве правоприменитель, в том числе и прежде всего судья, должен, но не может в полном объеме полагаться только на нормы права, а обязан учитывать в своем правосознании и представлениях общечеловеческие требования моральных и других видов социальных норм, их регулятивный потенциал.

Список литературы:

1. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. С. 124 – 131
2. Крапивенский С. Э. Социальная философия: учебник. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград, 1996. С. 204.
3. Комиссия посчитала проступком действия попавшей в скандал судьи Хахалевой // Портал РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2020/5e68df129a794709bf6c6845>.
4. Штефан Д. В. Определение добросовестности при применении п. 1 ст. 174 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 3. С. 145 – 175.
5. Комарова Т. А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3. С. 140.
6. Фогельсон Ю. Б. Правосознание российских судей и его отражение в судебной практике

высших судов // Закон. 2018. № 1. С. 122.

7. Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031